

ПОЛИТИКА

Январь 1860

Перемена в положении итальянского вопроса. — Сближение Франции с Англиею. — Консультация о декрете 17 февраля 1852 года.

Итальянское дело приняло новый оборот и, повидимому, ведется к развязке, противной нашим ожиданиям. Если бы новое направление, полученное французскою политикою, зависело только от одной Франции, мы все-таки остались бы при своем прежнем мнении о будущности, приготовляемой для Северной и Центральной Италии; мы не имели бы оснований предполагать прочности и серьезности в дипломатических отношениях, наполняющих теперь итальянцев радостными надеждами. Но перемена французской политики произведена сближением её с английскою, которая по своей зависимости от парламентского и популярного контроля не может быть переменчивою или лживою в важных делах. Эта связанность французской политики английскою, и только именно эта связанность представляется ручательством за серьезность актов ее, возбудивших удовольствие в либеральной Европе. Не имея претензии быть посвященными в дипломатические тайны, мы не беремся знакомить читателя с теми мелочными и личными подробностями, которые могли помогать или мешать сближению Франции с Англиею; мы не будем даже повторять газетных рассказов о разных дипломатических поездках, письмах, депешах: они могут иметь свою долю занимательности и даже быть справедливыми, но никто не поручится нам, чтобы вместе с ними не происходили какие-нибудь другие хлопоты, имевшие такое же влияние и до сих пор еще оставшиеся неизвестными для публики. Впрочем, если бы и все закулисные подробности дипломатических сношений были известны, можно было бы оставить их без внимания, потому что сущность дела не в них: она состоит в таких фактах, которые всем положительно известны, о которых депеши или вовсе не говорят, или

говорят самым темным образом, едва касаясь их, но которые совершаются на глазах целого света.

В прошедший раз мы говорили о приготовлениях Франции к войне с Англией и замечали, что этот факт, непрерывно идущий через все распоряжения французского правительства со времени учреждения империи, непрерывно подвергается по наружному виду периодическим сменам прилива и отлива, то выставляется вперед ожесточенною полемикою против Англии, как смертельной неприятельницы французского могущества и благоденствия, то прикрывается любезностью, предупредительностью и патетическими уверениями в драгоценности английского союза. Мы замечали также, что с половины ноября прошлого года наступила очередь затишья и любезностей. С половины декабря это смягчение достигло такого размера, что выразилось фактами, обнаружившими влияние на ход итальянского вопроса, составляющего главный предмет для дипломатического и газетного препровождения времени. Такое сильное развитие предупредительности к Англии со стороны Франции обязывает нас изложить в нескольких словах те факты, которые привели Францию к необходимости политического поворота, радующего теперь Европу.

Постоянно отыскивая поводы для раздражения общественного мнения против Англии, французское правительство в первой половине прошлого года, во время торийского министерства, имело таким предлогом предполагаемую вражду Англии против освобождения Италии и предполагаемую наклонность лорда Дерби помогать австрийцам. Обнародованное впоследствии собрание депеш министерства Дерби по итальянскому вопросу обнаружило, что тории вовсе не имели такой наклонности, а напротив, желали освобождения Италии. Но все равно, публика тогда предполагала в министерстве Дерби расположение к австрийцам, и полуофициальные французские газеты свирепствовали против коварного Альбиона, хотя людям, возбуждавшим эти нападения, была очень хорошо известна их неосновательность. Когда был заключен Виллафранкский мир, а в Англии лорды Пальмерстон и Россель сменили лордов Дерби и Мальмсбери, предлог вражды повернулся в противную сторону. Франция теперь действовала в пользу Австрии против Сардинии и Центральной Италии, а расположение Англии к делу итальянской свободы обнаружилось для всех. Теперь полуофициальные французские газеты стали нападать на Англию за то, что она хочет революционизировать Италию. Пальмерстон и Россель вовсе не хотели этого, их политика была в сущности та же, как политика торийского министерства, отличаясь от нее только большею твердостью и ловкостью¹. Кроме итальянского дела было найдено много других причин неистовствовать против Англии. Одною из них был знаменитый Суэзский канал.

Говорить о Суэзском канале подробно значило бы подвергать себя и читателей ужаснейшей скуке. Говорят, что он должен принести неизмеримую выгоду акционерам компании, составившейся для его прорытия, должен давать им на первое время процентов 20 или 30, а потом гораздо больше; говорят также, что он принесет неизмеримые блага всему человеческому роду. Это все провозглашается во Франции, и по странному случаю не дозволяется в ней спорить против таких уверений. В Англии, в Голландии, да и в самой Франции многие находят, что расчеты о коммерческих выгодах канала натянуты; что хотя путь в Индию и в Китай по Чермному морю был бы гораздо короче нынешнего пути мимо мыса Доброй Надежды, но плавание по Чермному морю очень затруднительно от узости фарватера, неблагоприятных течений и сильных ветров, так что по этой кратчайшей дороге парусные суда шли бы дольше, а пароходы сжигали бы больше угля, чем по длинной дороге вокруг Африки. Правда ли это, мы не знаем; но если коммерческие выгоды Суэзского канала в самом деле громадны и возражения против них неосновательны, то почему ж запрещать говорить против него во Франции? Свободное обсуждение вопроса не замедлило бы рассеять несправедливые сомнения. С другой стороны, если канал не нужен и убыточен в коммерческом отношении, то зачем Франция хочет строить его? Противники канала дают на это ответ очень ясный. Канал хотят рыть не по коммерческому, а по политическому расчету. Французы хотят завладеть широкими полосами земли по его берегам, настроить тут укреплений, поставить гарнизоны и батареи. Таким образом, они совершенно отделили Египет от турецких владений и завладеют потом этою странюю, на которую постоянно имеют свои виды со времени египетской экспедиции генерала Бонапарте. Кроме того, они откроют себе военную дорогу в Ост-Индию. Теперь, в случае войны с Англией, им нельзя добраться до Мадраса и Калькутты, пройти на Инд и Ганг: если бы они послали эскадры вокруг мыса Доброй Надежды, эскадры были бы на этом пути истреблены англичанами. Иное будет дело, когда они проруют Суэзский канал и утвердятся на его берегах. Тогда их флоты пойдут в Индию под прикрытием своих батарей, которыми будут остановлены английские флоты. Нам кажется, что всеми этими расчетами и опасениями Англия могла бы пренебречь. Пока у ней будет такой торговый флот, как ныне, военные французские флоты, не имеющие подобного неистощимого резерва хороших матросов, едва ли будут страшны для Англии, и каким бы путем ни повела Франция экспедицию в Индию, успехов ей ждать трудно. Но даже и не в этом дело. Пусть Суэзский канал и послужит для французов средством отнять у Англии Ост-Индию: здравый расчет Англии не должен был бы страшиться такой потери. Теперь все расчетливые люди в Англии понимают, что владение Ост-Индиею служит для их отечества не

источником большего могущества и богатства, а просто источником тяжелых финансовых затруднений и ослабления военных сил самой Англии. Отказаться без внешней необходимости от такого убыточного владения не позволяет предрассудок национального тщеславия; но если бы какой-нибудь случай отнял Ост-Индию у Англии, англичане скоро почувствовали бы, что очень много выиграли и в богатстве и в военном могуществе через эту видимую потерю. Разумеется, мы только излагаем свой взгляд на дело, только говорим, что этот вывод следует из мыслей, господствующих между расчетливыми людьми в самой Англии. Но если мы говорим о ходе политических событий, важность не в том, как следовало бы думать известному народу или правительству, а в том, как народ или правительство действительно думают. Пока предрассудок или ошибка считаются за истину, они управляют событиями. Англичане воображают, что должны заботиться о сохранении своего господства в Ост-Индии, французы думают, что нанесли бы им смертельный удар разрушением этого господства и хотят строить для того Суэзский канал. Англичане видят в канале выражение вражды к ним со стороны Франции. Давно уже идет в Константинополе дипломатическая борьба, и вот, когда французы довели до крайности свои приготовления к войне с Англией, французскому посланнику в Константинополе было приказано решительным образом потребовать у султана согласия на Суэзский канал. Это было открытым разрывом с Англией.

Но вдруг атака перешла в отступление. Оказалось, что дело заведено слишком далеко, что англичане выходят из терпения, а Франция между тем все еще не была и долго не будет готова к войне. По грубости своих нравов англичане не понимают шуток. Франция шалила для забавы своему национальному предрассудку, наводила речь на войну только за тем, чтобы горячить общественное мнение, готовить его к будущему, еще не очень близкому, а невежды англичане вздумали отвечать на шалости вовсе недипломатичною резкостью. «Если вы хотите войны, то начнем войну», заговорили они. Тут понадобилось показать вид дружбы. Необразованные островитяне были очень раздражены, и для их успокоения пришлось сделать очень много.

Главным предметом дипломатических рассуждений был итальянский вопрос, и Франция в доказательство своей любви к Англии должна была объявить, что принимает в этом деле английскую политику.

Мы говорили, в чем заключалась разница между французским и английским способом решения. Франция хотела восстановить австрийских вассалов в Тоскане и Модене или отдать эти земли французскому вассалу², а Романью возвратить папе. Для этого нужно было вооруженное вмешательство. Чтобы устроить его, созывался конгресс, решения которого были вперед известны. Англия говорила, что распоряжение участием итальянцев должно

Быть предоставлено самим итальянцам и что она не одобряет вооруженного вмешательства. Быть может, она стала бы протестовать против него; это было даже почти достоверно. Быть может, она даже приняла бы какие-нибудь материальные меры к выражению своего неудовольствия. Война с Англией из-за Италии была неправдоподобным шансом, но все-таки шанс этот был, и почему знать, куда приведет раздор, раз вспыхнувший? Мы видели, до чего простиралась неприязнь; назначением на конгресс второстепенного дипломата, лорда Коули, английское правительство прямо говорило, что считает конгресс делом враждебным своей политике и не хочет впутываться в него. От этого удара, повидимому столь мягкого, стала рассыпаться вся постройка батарей против Италии, с таким усердием воздвигавшихся в течение почти пяти месяцев, прошедших от Виллафранкского мира до последней половины ноября. Началось с того, что великие нейтральные державы приняли холодность Англии к конгрессу очень серьезным образом. Они говорили, что не стоит и им посылать на конгресс важнейших дипломатов, если Англия не придает ему важности. Смысл этих дипломатических фраз был тот, что нейтральная Европа поколебалась в своем прежнем расположении поддерживать французо-австрийскую политику, когда увидела, что Англия за это сердится. Как и что было дальше, остается, и пусть себе остается, дипломатическим секретом; видно только, что нужно было все больше и больше делать любезностей англичанам, и первым публичным выражением этой необходимости была знаменитая брошюра «Конгресс и папа», явившаяся около 20 декабря. Безмерного шума и крика наделала эта тетрадка, написанная почетнейшим из придворных публицистов, Ла-Героньером, по инструкциям императора французов, который просматривал и исправлял ее. В приложении мы помещаем очень подробное извлечение из знаменитого памфлета: мы вполне перевели все важные места его, выпуская только повторения и амплификации, которыми изобилует брошюра, написанная очень растянуто. Разбирать мысли, в ней изложенные, мы не будем, потому что неудовлетворительность их очевидна. Если папа не может быть хорошим светским государем, то как же оставлять его государем в Риме? Если он компрометирует свой духовный авторитет, поддерживая свою власть над подданными только при помощи иностранных штыков, то разве не будет продолжаться то же самое, хотя бы оставили ему власть над одним городом Римом? Ведь именно жители города самые непримиримые враги светской власти папы, и поддерживать ее над ними можно будет попрежнему только насилем. Сама брошюра предвидит это и уже придумала способ укрощать римлян посредством войск, присылаемых для охранения папы всеми итальянскими государствами. Если Романью необходимо отнять у папы, чтобы он не являлся в неприличном его званию виде притеснителя и врага своих под-

данных, то же самое надобно сказать о всех других его владениях и о самом городе Рима. Нет, говорит брошюра, папе необходимо оставаться государем хотя бы маленького владения, чтобы не стать в зависимость от какой-нибудь одной державы; будучи главою всех католиков, он для спокойствия Европы не должен быть подданным ни одной державы. Но государь маленького владения находится в такой зависимости от своих соседей, что имеет гораздо менее свободы, нежели каждый богатый человек в каком-нибудь свободном государстве. Каждый ирландский [епископ] менее стеснен в своих действиях, нежели нынешний папа. Для независимости папе вовсе не нужно быть светским государем, напротив, именно для этого ему нужно не быть светским государем. Пусть Рим составляет часть свободного государства, — тогда никто не будет иметь возможности стеснять папу, живущего в нем, как никто не имеет возможности стеснять какого-нибудь бельгийского или швейцарского епископа. Для нас, не-католиков, это очевидно само собою, и нет надобности в подробных опровержениях брошюры. Она важна вовсе не своими логическими достоинствами, а просто тем, что император французов через нее показывал Европе свое намерение не возвращать Романью папе.

Разумеется, брошюра привела либеральные партии в восторг, а католическую партию повергла в ужас и негодование. Католическое высшее духовенство давно уже вело бурную агитацию на защиту папской власти; теперь агитация приняла еще более ожесточенный характер и стала лично враждебно императору французов. Дело дошло до того, что французские кардиналы грозят сложить с себя звание членов сената, в знак явного разрыва ультрамонтанской партии³ с правительством.

Первым следствием издания брошюры было удаление графа Валевского⁴ от должности министра иностранных дел. Благородный граф был краснейшим демократом и агентом при западных дворах от революционного правительства Польши в 1830—1831 годах. Но скоро он одумался и исправился, увидев невыгодность такого направления мыслей; и для заглаживания грехов своей молодости стал отличнейшим консерваторм и абсолютистом. Это действительно оказалось гораздо выгоднее, и говорят, что теперь в целой Европе нет человека, имеющего такую полную коллекцию первостепенных орденов всех держав: у графа более 30 лент. Сообразны его заслугам были и более существенные награды, полученные им от императора французов. Не считая денег, ему даны были два великолепные поместья. Почтенный сановник был известен за великого друга Австрии. Ему даже приписывали значительное влияние на то, что со времени Виллафранкского мира Франция держала себя враждебно против Италии; утверждали даже, что реакционный министр принуждает либерального императора действовать вопреки его собственным

желаниям. Такие наивности, конечно, не заслуживают возражения: каждому известно, что при нынешнем порядке дел французские министры не имеют никакой самостоятельности и служат только исполнителями приказаний императора. Наполеон III просто берет себе министром по известной части на известное время такого человека, имя которого служило бы обозначением той системы, какой хочет держаться по этой части император. За австрийское направление французской политики в последнюю половину прошлого года граф Валевский заслуживал ровно столько похвалы или порицания, как переписчик за содержание бумаг, им переписываемых. Но когда император захотел показать, что его политика принимает новый оборот, он должен был сменить министра, имя которого служило вывескою австрийского направления. Каким именно порядком произошел повод к удалению, это все равно, но рассказывают это дело следующим образом.

Когда явилась брошюра Ла-Героньера, папский нунций в Париже, Саккони, потребовал у Валевского, чтобы она подвергнута была запрещению, или по крайней мере правительство объявило в «Монитёре», что оно не одобряет мыслей, в ней изложенных; в противном случае он грозил уехать из Парижа. Валевский, для успокоения папы, сообщил французскому посланнику в Риме, Граммону, что брошюра не имеет официального значения и что французское правительство остается верно прежней своей программе, то есть намерению возвратить легатства под власть папы; министр уполномочивал посланника передать эти уверения папскому правительству. Но когда Валевский стал в совете министров требовать, чтобы «Монитёр» объявил брошюру не имеющей официального характера, император не согласился; напротив, образ действия Наполеона III открыто подтверждал перед публикою, что брошюра излагает новую программу французской политики и что в ее составлении участвовал сам император. Тогда Валевскому не осталось ничего, кроме как подать в отставку. Быть может, эти сведения не полны; но если были еще другие какие-нибудь дипломатические сцены, они имели тот же характер, и когда мы узнаем их, они ничего не прибавят к нашему понятию о сущности дела, достаточно определяемой этим рассказом.

Предполагаемый конгресс не обещал теперь ничего хорошего для папы; Австрия, видя сближение Франции с Англиею, покровительствующею Сардинии, также не могла ждать благоприятного для себя решения. Подобно папе, она отказалась от мысли о конгрессе, которому был уже и прежде нанесен тяжелый удар тем, что Англия не хотела прислать на него ни одного из первостепенных своих дипломатов, и скоро было объявлено, что он отсрочивается на неопределенное время.

Между тем Франция выказывала все больше и больше расположения к уступкам Англии. Было, например, решено, что

конгресс отлагается до того времени, когда правительства этих держав согласятся между собою в итальянском вопросе и составят об этом нечто вроде общего протокола; тогда они явятся на конгресс как союзники, с общею программю; император французоз говорил, что расположен в этом случае жертвовать своими намерениями принципам английского кабинета (разумеется, таков был только смысл слов, а слова были не те: он говорил, что его намерения всегда были в сущности одинаковы с намерениями Пальмерстона и Росселя). В то же время он возобновил свое прежнее стремление ввести во Франции принципы свободной торговли. В каких формах начались переговоры об этих обоих предметах, конечно еще не вполне известно публике, да и не имеет существенной важности; довольно и той части подробностей, которая уже стала известна. Мы знаем, что дело было подготовлено частными объяснениями императора французоз и его доверенных лиц с людьми, имеющими влияние на правительство или общественное мнение в Англии, любезностями к английским газетам, а когда была подготовлена таким образом почва к возобновлению распадавшейся дружбы, официальным посредником в переговорах был избран английский посланник в Париже, лорд Коули.

Об одной из любезностей к английской журналистике мы уже упоминали в прошедший раз: когда французским полуофициальными газетам было в половине ноября приказано прекратить нападения на Англию, это было сделано так, что имело вид угодzenia жалобам английской журналистики: циркуляр министра внутренних дел о прекращении полемики явился как будто ответом на статью «Times'a» о дурном влиянии, производимом французскими полуофициальными нападениями. Эти любезности продолжались: когда готовилась к печати брошюра «Конгресс и папа», корректуры были заранее сообщены «Times'у», так что у него был уже набран к печати английский перевод брошюры за целые сутки до ее появления в Париже. Когда начались официальные переговоры поездкою Коули в Лондон, агентству Рейтера, доставляющему телеграфические депеши английским газетам, было прислано французским правительством объяснение предшествовавших недоразумений, доказывавшее, что император еще в августе хотел принять английский взгляд на итальянское дело, и только граф Валевский помешал водворению согласия. Такая предупредительность в сообщении известий английской журналистике должна была свидетельствовать английскому народу, как дорожит император французоз его мнением.

Кроме этих любезностей, относившихся к целой английской публике, не было недостатка и в любезностях с отдельными лицами, пользующимися влиянием на английское общество. Известным примером тому служат отношения, в которые Наполеон III

вступил с Кобденом⁵, приехавшим во Францию для отдыха и поправления здоровья. Император французов давно верит в пользу принципа свободной торговли, и едва ли нужны были ему чужие убеждения для развития в нем наклонности стремиться к ее водворению во Франции; если же нужны были ему новые разъяснения, он мог получить их от своих домашних экономистов, хотя бы, например, от Мишеля Шевалье, находящегося членом в его государственном совете. Но полезно, казалось, польстить англичанам, выставив Кобдена советником императора в деле, приятном для Англии: Мишелю Шевалье было поручено пригласить Кобдена к императору, и теперь, когда в письме к Фульду⁶ провозглашен принцип свободной торговли, а через лорда Коули заключена с английским правительством торговая конвенция в этом смысле, полуофициальные французские корреспонденции громко воздают Кобдену честь за то, что его советы много способствовали утверждению императора в решимости на дело, равно полезное для Франции и для Англии. Об этом стали разглашать в первой половине января, а прежде того свидания с Кобденом послужили Наполеону III средством укрепить авторитетом его имени свои миролюбивые уверения. Почти одновременно с брошюрой «Конгресс и папа» явился (23 декабря в «Times'e») «Разговор англичанина с французом», сообщавшийся парижским корреспондентом этой газеты. Корреспондент, вставляя «любопытный разговор» в свое письмо, употреблял выражения, показывавшие, что это документ, составленный или исправленный «французом», ведущим разговор, и ясно указывал, что этот «француз» — Наполеон III. «Имея хорошую память, — писал корреспондент, — я запомнил мысли, которые выставлялись на вид разговаривавшими. Я считаю удобнейшим передать разговор в той самой форме, как он происходил, чтобы не опустить ни одного выражения». — «Я желаю обратить ваше особенное внимание на слова французского собеседника, — продолжает корреспондент: — я имею причины думать, что ими в точности передаются мнения, выражаемые в высокой сфере» — фраза, принятая западною публицистикою для обозначения личных мнений царствующих лиц. В приложении мы переводим этот любопытный документ, а здесь довольно будет заметить, что француз поочередно рассеивает все сомнения в миролюбивых намерениях Франции, представляемые англичанином, который убеждается его доводами.

Когда сближение с Англиею было достаточно подготовлено этими действиями на общественное мнение, дипломатическими переговорами и переменю обращения с Австриею, Сардиниею и папою, лорд Коули по просьбе императора французов отправился (в начале января) в Лондон для сообщения английскому министерству предложений Наполеона III о коммерческом и политическом союзе. Независимые газеты утверждали, что

император дал ему поручение говорить о формальном трактате по итальянскому вопросу; полуофициальные газеты опровергали этот слух; которые из них правы, все равно: достоверно то, что лорду Коули поручено было установить согласие между Франциею и Англиею по итальянскому вопросу, что император французам отказывался для этого от прежней своей политики относительно Италии, соглашаясь принять английскую систему настолько, насколько окажется это необходимым для возвращения английской дружбы и для смягчения досады англичан за прежние неприязненные действия, предлагая им торговые выгоды. О Суэзском канале он, разумеется, замолчал. В чем состояли предложения по итальянскому вопросу? Мы сначала приведем несомненные основания их, а потом сообщим и газетные слухи о формах, которые казались Наполеону III соответствующими его новому положению.

Прошлою зимою, еще до начала итальянской войны, мы говорили, в чем должна состоять ее цель для иностранной политики императора французам. Мы доказывали, что его намерение должно состоять в подчинении Италии французскому влиянию. Виллафранкский мир и последующие действия Франции до половины ноября соответствовали этой цели. Для Сардинии была завоевана область, не дававшая ей такой силы, чтобы устоять против австрийцев без помощи Франции; но, однакоже, бывшая приобретением таким богатым, что для его сохранения Сардиния должна была жертвовать всем и безусловно исполнять волю императора французам, лишь бы он защищал ее от Австрии. Чтобы сардинцам понятнее и памятнее была шаткость их положения, за австрийцами были оставлены Пескьера и Мантуя, из которых они могли мгновенно ринуться на Ломбардию, лишь только отнимал у сардинцев руку помощи Наполеон III, недовольный каким-нибудь туринским своевольством. Таким образом, недопущение Пьемонта до дальнейшего увеличения было главным основанием французской политики. Присоединение герцогств, Тосканы и легатств⁷ делало бы Сардинию государством довольно сильным, которое могло бы забыть о послушании императору французам, возмечтав, что и без него может удержаться против Австрии. Теперь, под влиянием новой потребности, император французам выражал Англии готовность принять ее принцип предоставления жителям Центральной Италии свободы устанавливать у себя правительства по собственному выбору. Англия должна была видеть из этого, что Наполеон III для дружбы с ней готов, — а может быть, он и прямо говорил ей, что готов допустить присоединение Центральной Италии к Пьемонту. В этом состоял существенный и несомненный смысл поручения, с которым лорд Коули явился в Лондон.

Из этого возникают вопросы и предположения, о вероятности которых мы уже предоставляем судить читателю. Отказываясь,

по крайней мере на словах, от намерения держать в своей зависимости Сардинию, Наполеон III, вероятно, должен был искать средств для вознаграждения себя за такое самопожертвование. Газеты уверяют, что он убеждал Англию дать ему в вознаграждение Савойю, — читатель вспомнит, что и до начала войны, и по ее окончании носились слухи о видах Франции на эту страну. Тогда предполагалось, что приобретение будет сделано без посторонних вмешательств, одним тяготением над Сардинию. Теперь, когда объявлялось, что Франция ничего не хочет делать с Италией без согласия Англии, натурально следовало предложить какую-нибудь приятность и Англии, если не было покинуто намерение приобрести Савойю. Неофициальные газеты уверяли, что император французов не покидал этой мысли и хотел склонить Англию на увеличение французской территории предложением, чтобы сама Англия взяла себе остров Сардинию. Само собою разумеется, что официальные газеты опровергли такой слух, как опровергают всякий слух о всякой попытке, которая не удалась или которую рано еще разглашать. Мы не знаем, на чьей стороне тут правда. Можно только сказать, что если остров Сардиния был действительно предложен Англии, то Англия едва ли была обольщена предложением. Она теперь уже довольно проникнута принципом рассудительной политики, по которому приобретение иноземных владений считается делом невыгодным для государства. Она не дошла еще до того, чтобы добровольно отказаться от прежних приобретений своих в Европе, но едва ли захочет увеличивать их число.

Однако трудно предположить, чтобы Франция действительно и серьезно отказалась от намерения господствовать над Италией. Каким же образом исполнить его, если предлагается в угодность англичанам дать Центральной Италии свободу распоряжаться своей судьбой? Если так, она присоединится к Пьемонту и Пьемонт станет настолько силен, что выйдет из-под французской зависимости. Отвечать на это можно двумя предположениями. Газеты уверяют, будто идет следующее разноречие: Англия хочет, чтобы просто было признано решение о присоединении к Пьемонту, принятое в августе законодательными собраниями Центральной Италии, или, по крайней мере, новое испытание воли этих областей ограничилось созванием законодательных собраний для вторичного решения по вопросу о их устройстве. Франция, продолжают газеты, предлагает, чтобы это дело было решено непосредственною подачею голосов всего населения. Она надеется, что в этом случае успеет составить большинство не в пользу присоединения к Пьемонту, а в пользу основания отдельного королевства с избранием в короли или принца Наполеона⁸ (это было бы приятнее всего для нее), или прежнего герцога тосканского (что было бы также очень недурно по расчетам Франции), или, наконец, хотя принца кариньянского (что

все-таки не так дурно, как прямое присоединение к Пьемонту). Может существовать и другое предположение. Тем предложением, которое Коули привез в Лондон, просто оттягивается дело с надеждою длить его до появления обстоятельств более благоприятных, когда можно будет обойтись без нынешних церемоний с Англиею. При такой игре некоторым обеспечением служит то, что Ломбардия остается занята 50-тысячным французским войском⁹. Оно, конечно, охраняет Ломбардию от вторжения австрийцев (которые, впрочем, никак не подумали бы вторгаться в нее без разрешения Наполеона III, хотя бы ни одного французского солдата не было за Альпами); но с тем вместе оно может для самих сардинцев служить напоминанием о гибельности самоволия, а в случае крайности уравновесить влияние, какое могли бы присваивать себе англичане при возникновении у них какого-нибудь несогласия с Наполеоном III. Мы предоставляем читателю судить, насколько правдоподобны эти объяснения. Если ему угодно, он может принять и третью гипотезу, но о ней мы уже решительно должны сказать, что она принадлежит не нам и далеко превосходит собою силу изобретательности нашего ума. Эта гипотеза состоит в том, что французская политика теперь действительно стремится к освобождению Италии от иноземного ига. Приверженцы этого предположения разделяются на два класса: одни полагали всегда, что Наполеон III хочет собственно освобождения Италии, — питали эту уверенность, несмотря на действия Гойона¹⁰ в Риме, на Виллафранкский мир, на цюрихские переговоры и на все другие проявления французской политики до половины декабря. Другие, или лучше сказать, те же самые люди, говорят теперь, что до половины декабря Франция действительно держала сторону Австрии против Пьемонта и Центральной Италии, но что теперь, увидев несостоятельность такой системы, она искренно перешла к противоположному направлению. Любовь к Италии для них выше всех соображений, и когда питать надежду на счастье бедной нации можно было, только отвергая факты, предшествовавшие последнему обороту дела, они отвергали их. Теперь, когда подано им новое основание для надежды, они приобрели возможность говорить: ну да, прежде было действительно плохо, зато теперь уж не может быть ничего, кроме хорошего¹¹. Мы сами от всей души желали бы присоединиться к ним и не замедлим присоединиться, когда факты убедят нас в прочности основания, недавно возникшего для хороших ожиданий. На одной из следующих страниц мы изложим условия этой прочности, и читатель позволит нам не увлекаться слишком радужными надеждами, пока мы не увидим, что эти условия существуют.

Но возвратимся к лорду Коули. Предлагая содействие Франции осуществлению английской политики в итальянском вопросе, он сообщал, что Франция желала бы вступить с

Англию в формальный союз по этому делу. Прямо или косвенно было дано ему это поручение, словесно или на бумаге, мы опять не знаем и опять-таки говорим, что это все равно. В какой именно форме и под каким предлогом лондонский кабинет уклонился от союза, мы опять-таки не знаем и не слишком интересуемся этим, будучи довольны соображениями, которые прямо следуют из фактов, известных всем. Министерство Пальмерстона искренно желает освобождения Италии. Оно не захотело связывать своей итальянской политики обязательством действовать не иначе, как по согласию с Францией. Мы находим, что этого достаточно для составления себе понятия о сущности дела. Могут сказать: но Англия, при всем добром расположении к итальянцам, не намерена впутываться из-за них сама в войну, то есть в разорение; быть может, она уклонилась от союза с Францией только потому, что тогда, в случае войны Пьемонта с Австрией, была бы втянута в эту войну. Нет, при союзе Англии с Францией всякое опасение войны за Италию исчезло бы: во-первых, очевидно само собою, что у австрийцев достало бы благоразумия хотя на то, чтобы видеть свое совершенное бессилие против такой лиги. Во-вторых, об этом были спрошены англичанами австрийцы и отвечали, что в случае согласного действия Франции и Англии в Италии Австрия не может противиться и должна будет покориться, ограничиваясь протестацією.

На этом пока останавливаются наши известия о переговорах Франции с Англией по итальянскому вопросу. Франция объявила, что не хочет ничего делать в Италии без согласия Англии, — Англия приняла с признательностью такую нежность. Франция предложила ей союз по этому делу, — Англия почла благоразумным уклониться от вступления в союз до того времени, когда будет иметь более положительные доказательства твердого и искреннего расположения Франции предоставить итальянцам действительную независимость.

Нам кажется, что английский кабинет поступил в этом случае очень честно и рассудительно. Мы тем смелее говорим это, что вовсе не принадлежим к числу поклонников лорда Пальмерстона, ни даже лорда Росселя. Нам кажется, вернее всего подождать, пока хотя они найдут, что Франция приняла в итальянском деле удовлетворительную систему; нам еще и тогда будет время посмотреть, надобно ли признать эту систему удовлетворительной с той точки зрения, которой мы обыкновенно руководимся; а пока колеблется даже лорд Пальмерстон, нам еще рано и думать об изменении нашего понятия о целях французской политики в Италии.

Не все так мнительны, как мы. Огромное большинство честных людей в Европе находится теперь в состоянии восторга от ссоры, повидимому непримиримой, между папою и Францией и от возвращения графа Кавура¹² к управлению делами.

Этому возвращению мы сами очень рады, хотя не имеем удовольствия быть особенно жаркими почитателями предводителя умеренных, быть может несколько ограниченных, но твердых итальянских либералов. Теперь известна в точности причина его удаления от дел при подписании Виллафранкского перемирия. Когда мы выражали в те дни горькое негодование на всех и в том числе даже на несчастных итальянцев, менее всего виновных, когда винули их в малодушии, — так называемые благоразумные люди с насмешкой спрашивали нас, что же было делать итальянцам, когда покидала их французская помощь, — и осыпали насмешками наш ослепленный фанатизм, слыша ответ: «продолжать войну». Месяца два или три назад эти благоразумные люди могли читать в газетах, что предмет их поклонения, граф Кавур, человек не слишком ослепляемый так называемым мащиниевским фанатизмом, думал то же самое. Он убеждал Виктора-Эммануэля не подписывать перемирия и продолжать войну, несмотря на то, будут ли французские войска смотреть на нее неподвижно, или уйдут из Италии, или будет им приказано присоединиться к австрийцам для усмирения непослушных итальянцев. Из-за этого произошла наконец резкая сцена, в которой Кавур упрекал Виктора-Эммануэля за недостаток гражданской отваги, за непонимание того, как силен стал бы он, последовав его совету. Сцена эта оставила глубокое впечатление в памяти Виктора-Эммануэля, и теперь называют подвигом высокого патриотизма то, что он забыл личную досаду, согласившись уступить общему требованию итальянцев и желанию английского кабинета, чтобы Кавур принял управление государством¹³. Читатели знают, что неудовольствие, пробуждавшееся бестактностью, вялостью и трусостью Ла-Мармори и Дабормиды¹⁴, возрастало с каждым днем; общественное мнение Италии и желание Англии вынудило, наконец, у них назначение, а у Франции согласие на назначение графа Кавура уполномоченным на предполагавшийся конгресс. Что после того падение министерства Ла-Мармори и замена его министерством Кавура была уже делом неизбежным. Если бы Франция и не показала вид, что изменяет свою политику, если бы она и продолжала мешать возвращению Кавура в кабинет, эта перемена могла бы разве замедлиться несколькими неделями. Но, разумеется, вступление графа Кавура в министерство было облегчено и несколько ускорено видимым изменением отношений Франции к Пьемонту. Пока мы дождемся более прямых проявлений французского доброжелательства к Италии, поставим ему в заслугу хотя этот факт, в котором оно не слишком сильно участвовало.

Нет никакого сомнения в том, что граф Кавур будет действовать энергичнее и самостоятельнее своих предшественников. Пока он останется министром, Пьемонт не будет пугаться

фантомов французского вмешательства в пользу австрийцев. Эти фантомы могут быть страшны только тому, кто отступает перед ними; и если мы говорили о них, как о чем-то действительно налагающем на Пьемонт зависимость от Франции, мы только говорили, что итальянцы, к несчастью слишком мало рассчитывая на свою национальную силу, сами придавали им могущество своим малодушием.

Газеты говорят, что граф Кавур хочет как можно скорее созвать парламент, и высказывают теперь то, что давно было ясно: диктатура, противозаконным образом продолжавшаяся в Сардинии по прекращении войны, на время которой была дана, держалась только потому, что созвание парламента казалось прежнему робкому министерству делом, несогласным с его обязанностью получать приказания из Парижа.

Мы заслуживали иногда очень странные порицания тем, что, осуждая непоследовательность, слабость и непроницательность людей, принципы которых недурны, говорили, что гораздо лучше их умеют действовать люди, принципы которых вовсе не хотели мы выставлять похвальными: многие не хотели понимать, что можно осуждать образ действий человека, стремлениям которого сочувствуешь, можно советовать ему позаймствоваться непреклонностью воли от людей, в которых нет ничего хорошего, кроме твердости и отваги. Превосходным примером этого до сих пор служило римское правительство. Где вы найдете такую крайнюю слабость сил? Князя Вальдекский и Книпгаузенский государи¹⁵ несравненно более сильные, нежели папа, потому что хоть не нуждаются в посторонней помощи для поддержания своей власти, между тем как папа не продержался бы в Риме 24 часов, если бы французы отняли свои штыки, служащие теперь единственными опорами его престола. А между тем посмотрите, как он держит себя против Франции. Мы не говорим, что основания папской системы управления хороши; но папа считает их хорошими и готов скорее рискнуть всем, лишь бы не изменить своим убеждениям. «Мы не хотим никаких сделок, не боимся никаких угроз, — говорит его правительство: — посмотрим, что-то вы успеете с нами сделать». И вот таким образом держалось оно одиннадцать лет и отстояло свои принципы. Если бы оно было не так непреклонно, оно давно уже было бы уничтожено, и вместо кардиналов были бы в Риме светские министры, и папа не мог бы даже посадить под арест какого-нибудь еретика. Нет, римское правительство действовало очень неглупо: оно знало, что отважность есть лучшая расчетливость. Теперь оно действует так же, и нельзя не похвалить его твердости, как бы ни были дурны принципы, на защиту которых употребляется эта твердость.

Посмотрите, например, как это правительство, поддерживаемое только французскими солдатами, отвечало на брошюру,

излагавшую намерения державы, которая, повидимому, может уничтожить его одним словом:

«На-днях явилась в Париже (объявило папское правительство в своем официальном органе, *Giornale di Roma*) анонимая брошюра под заглавием «Папа и Конгресс». Эта брошюра содержит прославление революции, коварный тезис для тех слабых голов, которым недостает здравого рассудка, чтобы тотчас заметить яд, в ней скрытый; а для всех хороших католиков служит она причиною скорби... Если целью автора этой брошюры было устранение того, кому грозят столь великие несчастья, то пусть автор уверится, что имеющему право на своей стороне, стоящему вполне на твердом и незыблемом основании справедливости, истинно нечего страшиться человеческих козней».

Так говорила «Римская газета», а парижский орган папского правительства, *L'Univers*, перечитывая эту заметку, прибавил еще, что папа огорчен «не столько утопиями брошюры, являющимися уже не в первый раз, сколько лицемерием ее автора». А между тем каждому было известно, кто должен считаться истинным автором брошюры. Эта заметка явилась в «Римской газете» 30 декабря; через два дня, когда генерал Гойон явился поздравить папу с новым годом, Пий IX отвечал на его приветствие словами, резкость которых беспримерна в дипломатическом мире:

«Повергаясь к стопам бога, который был, есть и вечно будет, молим его, в смиреннии нашего сердца, да благоволит он обильно ниспослать свою благодать и свет на главу французской армии и нации, чтобы при помощи этого света он мог неоступаясь идти своим трудным путем и познать наконец живость принципов, недавно провозглашенных в брошюре, которая может назваться памятником лицемерия и низкой картиною противоречий.

Надеемся, что при помощи этого света, — или лучше скажем: мы убеждены, что при помощи этого света он осудит принципы, изложенные в этой брошюре, и мы убеждены в этом тем более, что мы владеем несколькими документами, которые некогда имел благосклонность доставить нам его величество и которые содержат осуждение этих принципов».

Каково это? Отважился бы говорить так резко, грозить так смело документальными изобличениями Франц-Иосиф, который в миллион раз сильнее папы? Но что говорить о папе? Посмотрите, как поступает «*L'Univers*», который мог быть уничтожен (и теперь уничтожен) одним почерком пера, — и даже не императора французов, а не более, как одного из его министров. Сначала было запрещено перепечатывать во французских газетах речь папы. Он прямо объявил, что пусть его запрещают, если хотят, но что он, несмотря ни на что, напечатает слова папы, которые считает святынею. Запрещение печатать речь папы было отменено после такого решительного объявления, и она явилась во всех французских газетах.

Почему так действуют эти люди, столь слабые, поддерживаемые только тою силою, которой не хотят они делать никаких уступок? Нам скажут: они имеют убеждение. Да, но каждый воображает, что имеет убеждение, почему же не каждый так тверд и решителен в своих действиях? Это потому, что

кардиналы и «L'Univers» хорошо понимают все последствия своего принципа и не обольщают себя ни относительно средств, которыми он должен быть поддерживаем, ни относительно своего положения среди других партий. Они знают, чего они хотят, обдумали, какие способы могут вести к их цели, чего им ждать от каждого способа действий. Потому их нельзя обольстить. Нет, чтобы они были уже бог знает какие гениальные люди, — нет, они просто люди последовательные, не отступающие перед логическими выводами, не скрывающие от себя настоящего положения дел. Их принцип несовместен с законным порядком, — они и не скрывают этого от себя, и потому ни за что не соглашаются на введение сносных законов в Папскую область, — введение этих законов погубило бы их, они знают это. Их принцип несовместен с просвещением, и они непреклонно поддерживают обскурантизм. Они знают, что все это противно всему направлению века, и вперед решились не уступать ни в чем требованиям века. Эта обдуманность, это отречение от сделок с гибельными для них принципами сохраняют в них всю ту жизнённость, к какой еще способен их принцип. А если принцип отживший, противный всему, что возрастает с каждым днем, в чем потребность общества, держится так долго и крепко, благодаря своей последовательности, то как сильны стали бы принципы живые, соответствующие потребностям общества, если бы их приверженцы постарались так же ясно определить свои отношения к другим силам и так же хорошо изучить, какими средствами должны они идти к своей цели. Ультрамонтанцы сильны только потому, что не хотят добровольно обольщать себя. Нельзя желать, чтобы кто-нибудь одобрял их образ мыслей; но хорошо было бы, если бы честные люди постарались сравниться с ними в отчетливости и последовательности образа мыслей, — тогда правда успешнее торжествовала бы над ложью.

Итак, повидимому совершенный разрыв с папой, решительный разрыв с австрийскою политикою в Италии, покровительство национальному принципу в Италии — вот признаки нового направления французской политики. Мы старались показать, в чем заключается причина этого поворота дела. Подобный вид принимает французская политика уже не в первый раз с начала прошедшего года. Она шла к своей цели, постоянно лавируя, смягчая свои действия в одном направлении выказыванием наклонности к противоположному направлению, после каждого напора несколько отступая, чтобы смешать соображения противников этими маневрами. Мы несколько раз указывали периоды видимых отступлений, имевших совершенно такой же характер; и если месяц, два месяца тому назад не предугадывали, что подобный маневр должен скоро быть произведен ею в размере, гораздо большем прежних таких же стратегем (напомним смену миролюбивых и воинственных манифестаций перед войною, смену

манифестаций за Италию и против Италии от Виллафранкского мира до половины ноября), — если мы не предугадывали, что следующее видимое отступление будет иметь гораздо больший размер, причиною этой непредусмотрительности, которую мы нисколько не стараемся прикрыть, было то, что мы до самой половины декабря не знали, как близка была в конце октября Франция к войне с Англиею. Мы видели холодность, сильную ссору; но, думая, что император французов умеет очень строго сдерживать себя до предназначенного срока, мы не хотели предполагать, как и сам он не предполагал тогда, чтобы дело зашло гораздо дальше, нежели дозволяли его расчеты. Ему было слишком рано вызывать Англию на войну, — для этого нужны ему еще долгие приготовления, но он несколько увлекся, а главное, английский кабинет слишком серьезно принял эти нападения. Мы заметили это слишком поздно, как слишком поздно заметил и сам Наполеон III. Враждебность дошла до того, что для восстановления хороших отношений понадобилось слишком много уступок. От человека, столь сдержанного, как император французов, трудно было ожидать такой неосторожности.

Причина, из которой произошла перемена во французской политике по итальянскому вопросу, показывает и степень прочности, какую могут иметь надежды, возникающие из этой перемены. Все дело зависит от отношений Франции к Англии и от прочности нынешнего английского министерства. Если еще довольно долго будет надобно смягчать Англию продолжением уступок, Италия получит время для устройства своих дел по национальному влечению. Если же Англия скоро успокоится изъявлениями дружбы, надобность в покровительстве итальянскому делу минует для Франции. Тот и другой шанс зависит от множества разных обстоятельств. Англия может быть вовлечена в какие-нибудь более важные для нее дела, которые заставили бы ее забыть об Италии; Франция может найти для своей дружбы с нею какие-нибудь другие основания, согласиен в которых загладится отступление от английской политики в итальянском деле. Наконец, если бы вместо вигов вступили в министерство тори, Наполеон III гораздо легче справился бы с ними, нежели с нынешним министерством, потому что тори не имеют ныне таких искусных дипломатов, как Пальмерстон. Но как бы то ни было и что бы ни произошло, для человека, пристально наблюдавшего действия Франции, не может существовать никакого сомнения в том, что превращение конституционного Пьемонта в сильное государство, могущее держаться против Австрии без помощи Франции, столь же противно видам нынешнего французского правительства, сколько сообразно с политическими принципами и национальными расчетами Англии, что поëтому направление, выказываемое ныне Франциею в итальян-

ском деле, составляет отказ Франции от собственной политики в пользу английской и что французское правительство воспользуется первой возможностью для того, чтобы возвратиться по этому вопросу к независимому образу действий в направлении, какого держалось после Виллафранкского мира. Хорошо будет, если итальянцы успеют устроить свои дела до той поры.

Судьба Италии зависит теперь главным образом от прочности министерства вигов, о которых довольно трудно сказать, какая участь ждет их самих. В палате общин, выбранной при торийском министерстве, перевес голосов на стороне вигов очень невелик: он простирается только до десяти голосов или даже менее. Присоединения к тори нескольких депутатов ирландской либеральной партии или отделения нескольких недовольных радикалов было бы достаточно, чтобы произвести министерский кризис или заставить кабинет распустить палату общин. Впрочем, кажется, что тори не надеются пока на успех, — это видно из того, что они в палате общин не предлагали изменения в адресе, который служит ответом на тронную речь, т. е. на программу министерства, и предлагается одним из членов министерской партии. В прошедшем году билль о реформе низверг торийское министерство¹⁶. Новый билль, который на-днях будет внесен лордом Джоном Росселем, легко мог бы, в свою очередь, низвергнуть своих составителей, но для этого было бы нужно существование довольно сильного реформистского движения в обществе. В прошедшем году оно было; теперь его до сих пор еще нет, потому что внимание публики поглощено иностранными делами, отношениями к Франции и итальянским вопросом.

О значительной интенсивности стремления к расширению свободы во Франции свидетельствует то, что внутренняя политика занимает теперь французскую публику больше, нежели английскую, хотя иностранные дела, нами названные, касаются Франции еще ближе, чем Англии. Попрежнему глухая внутренняя агитация направляется главным образом к расширению свободы печатного слова, и правительство, как надобно было ожидать, принуждено держаться в этом отношении более строгой системы, чем в начале осени, чтобы по возможности ослабить возрастающее требование. С 15 августа до конца прошлого года было сделано двадцать предостережений. Но, несмотря на них, есть некоторые, разумеется еще слабые, признаки увеличивающейся самостоятельности независимой публицистики. Мы приведем только два примера. Когда граф Валевский получил отставку, император назначил его членом тайного совета и в то же время издал декрет, определявший 100 тысяч франков жалованья членам тайного совета, не занимающим других должностей. Такой член в тайном совете один Валевский, и декрет был издан

собственно для него. «Siècle» стал доказывать, что декрет незаконен, потому что всякие назначения сумм должны производиться не иначе, как по закону, принятому законодательным корпусом. Правительственные газеты сначала спорили, но скоро должны были согласиться, что декрет не будет иметь законной силы до утверждения его законодательным корпусом. Другой пример мы расскажем несколько подробнее. Один из самых умеренных, но зато и самых усердных орлеанистов, д'Оссонвиль, напечатал статью, за которую было дано предостережение газете, напечатавшей статью. Воспользовавшись этим случаем, д'Оссонвиль обратился к сословию адвокатов с просьбою составить для него консультацию по четырем вопросам, ему представляющимся. Во-первых, имеет ли французский гражданин право посредством просьбы требовать от сената перемен в существующем законодательстве, кажущихся ему полезными? Во-вторых, обращаясь к сенату, имеет ли каждый француз право объяснять причины, по которым он требует реформы? В-третьих, может ли декрет 17 февраля 1852 года (т. е. декрет, определяющий для политических газет стеснения, которым ныне они подлежат)¹⁷, во всех или в некоторых своих постановлениях, быть выставленным в просьбах к сенату актом, противным конституции? В-четвертых, может ли быть перепечатана в виде брошюры статья, подвергнувшаяся предостережению, когда была напечатана в газете или в журнале? Цель вопросов очевидна: они хотят достичь юридического удостоверения в том, что декрет, стесняющий свободу печатного слова, незаконен, и что сенат должен отменить его по своей обязанности уничтожать законы, находящиеся в противоречии с конституцией империи.

Первая консультация была составлена и подписана пятью известнейшими адвокатами Парижа; эти юридические знаменитости: Плок, нынешний старшина (batonnier) корпорации парижских адвокатов; Беррье, великий оратор и предводитель легитимистской партии; Мари, бывший членом временного правительства в 1848 году; Дюфор, бывший министром во время республики; Бетмон, также бывший министром республики, и Лионвиль, бывший старшиною парижских адвокатов подобно всем трем другим, подписавшим консультацию вместе с нынешним старшиною.

На первый вопрос (имеет ли право каждый французский гражданин требовать у сената отмены законов, кажущихся ему вредными) консультация отвечает решительным подтверждением этого права. Юристы, подписавшие ее, объявляют, что право просьбы простирается на все законы без исключения; они подтверждают это мнение приведением статей самой конституции 1852 года¹⁸. Точно так же решителен ответ и на второй вопрос: в просьбе сенату могут быть излагаемы причины, по которым требуется реформа. На третий вопрос (обязан ли сенат отменить

декрет 17 февраля 1852 года, если будет обнаружено его противоречие с конституцией) консультация отвечает:

«Этот вопрос сложен. Во-первых, мы должны рассмотреть, может ли сенат отменить декрет 17 февраля, если он противоречит конституции 1852 года. На это могут возразить словами конституции: «Эта конституция получает законную силу с того дня, как учреждаются сенат и законодательный корпус. Декреты, обнародованные президентом республики со 2 декабря до того времени, имеют силу закона». Сенат и законодательный корпус начали свои заседания 20 марта. Итак, декрет 17 февраля имел силу закона, когда они собрались, и, следовательно, не нуждается в одобрении сената. Такое возражение мы находим неосновательным. Декрет 17 февраля имеет силу закона, пока не отменен, но сенат имеет власть отменять и законы, изданные до его учреждения».

Это доказывается ссылками на самую конституцию.

«Таким образом (продолжает консультация) декрет 17 февраля может быть подвергнут рассмотрению сената. Но существует ли основание подвергать его такому рассмотрению? Это вопрос более политический, нежели юридический, и характеризовать дух и подробности декрета 17 февраля должно быть собственно делом лица, подающего просьбу. Мы доказали, что право подавать такую просьбу есть, и могли бы остановиться на этом. Но чтобы не оставить без ответа предлагаемый нам специальный вопрос, мы считаем своею обязанностью представить следующие краткие замечания. Согласен ли декрет 17 февраля с конституциею 1852 года? Мы не полагаем, чтобы кто-нибудь мог серьезно утверждать это, и потому можем быть кратки в этом случае. Для существования согласия декрета с конституцией было бы необходимо декрету не противоречить «великим принципам 1789 года, составляющим основание общественного права французского народа», как говорит первая статья конституции. Свобода печатного слова один из важнейших между этими принципами. Уважает ли его декрет 17 февраля? Можно ли сказать, что мы ошибаемся, принимая выражение «великие принципы 1789 года» в их абсолютном и историческом смысле?»

Консультация подробно доказывает, что это выражение должно быть понимаемо в таком смысле и что декрет 17 февраля противоречит ему. После того она рассматривает отношения декрета к праву собственности, ненарушимость которого также провозглашена конституциею.

«Газета составляет не только орган мнения, но и коммерческую собственность значительной важности; итак, запрещение газеты есть нарушение материальной собственности. По принципам французских законов собственность священна и только судебное решение может касаться ее; никакая другая власть не имеет этого права».

Из этого консультация выводит, что декрет 17 февраля, дающий правительству власть запрещать газеты без судебного решения, противоречит основному принципу французского законодательства, также провозглашенному конституциею 1852 года.

На четвертый вопрос (может ли быть перепечатываема в форме брошюры статья, получившая предостережение в газете) консультация также отвечает утвердительно, доказывая, что декрет 17 февраля не простирается на брошюры.

Статья д'Оссонвиля¹⁹, подвергнувшаяся предостережению в газете, было именно то самое письмо, в котором предлагались сословию адвокатов эти вопросы. Получив консультацию, содержание которой мы изложили, д'Оссонвиль немедленно воспользовался ответом на свой четвертый вопрос и обратился к типографщику, печатающему газету «*Courrier de Dimanche*», где была помещена статья, с требованием, чтобы он перепечатал статью в виде брошюры, говоря, что в случае отказа будет требовать напечатания брошюры формальным судебным порядком. Правительство не отважилось доводить дело до этой крайности, и типографщику было сообщено, что он может безопасно печатать требуемую брошюру.

Старшины адвокатской корпорации первые подписали изложенную нами консультацию потому, что д'Оссонвиль в письме своем обращался прямо к ним. Вслед за ними почти все парижские и знаменитейшие провинциальные адвокаты стали объявлять, что согласны с их консультациею, или составлять особенные консультации в том же смысле, но более резкие. В пример мы приведем отрывок из консультации Одилона-Барро²⁰, предводителя прогрессивной части орлеанистов. Он говорит, что все сказанное старшинами адвокатов справедливо, но идет дальше и выражает, например, следующие мысли:

«Право просьбы есть право предостерегать, просвещать правительство, указывать ему дурные вещи, которые должны быть исправлены, хорошие вещи, которые должны быть сделаны. Если бы оно было даже не провозглашено конституциею, оно существовало бы по силе естественного права. Итак, оно существует, но нижеподписавшийся не думает, чтобы оно могло быть успешным. В нынешней французской конституции недостает двух существенных условий, необходимых для того, чтобы право просьбы имело серьезное значение. Эти условия: публичность и ответственность. При нашем прежнем парламентском правлении право просьбы получало свою силу от публичных прений. При конституции, в которой нравственная ответственность правительства не обсуждается публичными прениями, оно останется безуспешным. По нашей конституции, министры ответственны только перед императором, — этого слишком мало».

По обыкновению, скажем несколько слов о других событиях, занимающих газеты, но не имевших особенного значения.

В Австрии продолжается прежнее положение дел; это разумеется само собою. В Пруссии ландтаг, открывшийся 11 января, будет, повидимому, иметь занятия несколько более серьезные, чем в прошлом году, когда он был оставлен решительно без всякого дела. Речь, произнесенная принцем регентом при начале заседаний, обещает проекты нескольких довольно важных законов. Относительно движения в пользу германского единства она, разумеется, высказывается с тою же осторожностью, которой до сих пор следовала прусская политика в этом деле. Само движение также продолжается в прежнем виде, то есть не имеет еще ничего серьезного, хотя несколько возрастает. О том, как и почему про-

изошли министерские кризисы в Дании и в Голландии, читатель, вероятно, ничего не знает и даже не помнит, были ли в газетах известия о них; это показывает, что и нам было бы напрасно говорить об этих вещах.

Газеты наполнены длинными рассказами об испанской армии в Марокко²¹. Но пока дело ограничивалось тем, что испанцы, воображавшие эту войну легкою победою прогулкою, теряли много людей от болезней и от партизанских нападений мавров. Мавры так беспокоили их, что армия очень долго не могла двинуться от базиса своих операций, Сеуты, к Тетуану, который хотя испанцы взяли и который лежит всего верстах в 20-ти от Сеуты. Когда она двинулась, то, разумеется, прошла куда хотела, потому что дикие партизаны, не имеющие никакой дисциплины, никогда не бывают в состоянии противиться движению сильных регулярных войск. Теперь она стоит около Тетуана. Переход был невелик, но испанцы потеряли на нем много людей от партизанских атак, из которых одна была довольно сильна, так что имела вид небольшого сражения. Теперь испанцы находят, что лучше было бы им не ездить в Африку за лаврами, а заниматься своими домашними делами, которые только что начали было поправляться и вот теперь замедлены и даже довольно сильно расстроены ненужной войной.